

Кораблев В. Н.: Некрасов (Русский биографический словарь А. А. Половцова)

Некрасов, Николай Алексеевич, поэт; родился 22-го ноября 1821 года в маленьком еврейском местечке Винницкого уезда Подольской губернии, где в то время квартировал армейский полк, в котором служил его отец Алексей Сергеевич Некрасов. А. С. принадлежал к обедневшей дворянской помещицкой семье Ярославской губернии; по обязанностям службы ему приходилось постоянно бывать в разъездах, преимущественно в южных и западных губерниях России. Во время одной из таких поездок он познакомился с семейством богатого польского магната, жившего на покое в своем имении в Херсонской губернии, — Андрея Закревского. Старшая дочь Закревского, Александра Андреевна, блестящая представительница тогдашнего варшавского света, девушка прекрасно образованная и изнеженная, увлеклась красивым офицером и связала с ним свою судьбу, выйдя за него замуж против воли родителей. Дослужившись до чина капитана, А. С. вышел в отставку и поселился в своем родовом имении сельце Грешневе, Ярославской губ., на почтовом тракте между Ярославом и Костромой. Здесь и прошли детские годы поэта, оставившие в душе его неизгладимое впечатление. В своем имении, на свободе, А. С. вел разгульную жизнь среди приятелей-собутыльников и крепостных любовниц, "среди пиров бессмысленного чванства, разврата грязного и мелкого тиранства"; этот "красивый дикарь" деспотически держал себя по отношению к собственной семье, "всех собой давил" и один "свободно и дышал и действовал и жил". Мать поэта, Александра Андреевна, выросшая среди неги и довольства, европейски воспитанная и образованная, была обречена на жизнь в глухой деревушке, где царил пьяный разгул и псовая охота. Единственным ее утешением и предметом горячих забот была многочисленная семья (всего 13 братьев и сестер); воспитание детей было самоотверженным подвигом ее непродолжительной жизни, безграничное же терпение и сердечная теплота победили под конец даже сурового деспота-мужа, а на развитие характера будущего поэта имели громадное влияние. Нежный и печальный образ матери занимает в творчестве Н. большое место: он повторяется в целом ряде других женщин-героинь, неотлучно сопровождает поэта всю его жизнь, вдохновляет, поддерживает его в минуты горя, направляет его деятельность и в последнюю минуту, у его смертного одра, поет ему глубоко трогательную прощальную песню (Баюшки-баю). Матери и неприглядной обстановке детства Н. посвящает целый ряд стихотворений (поэма "Мать", "Рыцарь на час", "Последние песни" и многие другие); в лице ее, по справедливому указанию биографов, он создал апофеозу русских матерей в частности и русской женщины вообще.

Все другие впечатления его детства были крайне безотрадны: расстроены дела и огромная семья заставили А. С. Некрасова взять место исправника. Сопровождая отца во время его служебных поездок, мальчик имел возможность много раз наблюдать суровые условия народной жизни: вскрытие трупов, следствия, выколачивание податей и вообще дикие расправы, обычные в то время. Все это глубоко запало в его душу, и вступая из семьи в жизнь, Н. уносил накопившуюся в сердце страстную ненависть к угнетателям и горячее сочувствие к "подавленным и трепетным рабам", завидующим "жизню последних барских псов". Его муза, выросшая в таких условиях, понятно, не умела петь сладких песен и сразу стала угрюмой и неласковой, "печальной спутницей печальных бедняков, рожденных для труда, страдания и оков".

На 11 году Н. определили в Ярославскую гимназию, где он учился незavidно и, едва дотянув до пятого класса, принужден был оставить школу — отчасти из-за осложнений со школьным начальством, раздраженным его сатирическими стихами, уже тогда пользовавшимися у товарищей громадным литературным успехом. Отец, мечтавший о военной карьере сына, воспользовался этим и в 1838 г. отправил его в Петербург для определения в тогдашний Дворянский полк. С небольшой суммой денег в кармане, с паспортом "недоросля из дворян" и с тетрадкой стихов явился Н. из деревенской глуши в шумную столицу. Вопрос о поступлении в Дворянский полк почти уже был решен, когда случайная встреча с ярославским товарищем, студентом Андреем Глушицким и проф. духовной семинарии Д. И. Успенским побудила Н. отступить от первоначального решения: беседы со студентами о преимуществах университетского образования так увлекли Н., что он в категорической форме сообщил отцу о своем намерении поступить в университет. Отец пригрозил оставить его без всякой материальной помощи, но это не остановило Н., и он при содействии друзей, Глушицкого и

Успенского, начал усердно готовиться к вступительному университетскому экзамену. Экзамена он, однако, не выдержал и по совету ректора П. А. Плетнева поступил вольнослушателем на историко-филологический факультет, на котором и пробыл два года (с 1839 по 1841 г.). Материальное положение Н. в эти "учебные годы" было крайне плачевное: он поселился на Малой Охте с одним из университетских товарищей, у которого жил, кроме того, еще крепостной мальчик; втроем они тратили на обед из дешевой кухмистерской не более 15 коп. Ввиду отказа отца приходилось добывать средства к жизни грошовыми уроками, корректурой и кое-какими литературными работами; все время уходило главным образом на поиски заработка. "Ровно три года", — рассказывает Н., — "я чувствовал себя постоянно, каждый день голодным. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан на Морской, где дозволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросил себе. Возьмешь, бывало, для вида газету, а сам пододвинешь себе тарелку с хлебом и ешь". Хроническое недоедание привело к полному истощению сил, и Н. серьезно захворал; молодой, крепкий организм вынес и это испытание, но болезнь еще более обострила нужду, и раз, когда Н., не оправившийся еще от болезни, вернулся в холодную ноябрьскую ночь домой от товарища, хозяин-солдат не пустил его в квартиру за неплатеж денег; над ним сжалился старый нищий и дал ему возможность переночевать в какой-то трущобе на 17-й линии Васильевского Острова, где на утро поэт нашел себе и заработок, написав кому-то прошение за 15 коп. Лучшие годы, проведенные в мучительной борьбе за существование, только усилили суровый тон музы Н., которая затем "почувствовать свои страдания научила и свету возвестить о них благословила".

Для добывания скудных средств к существованию Н. пришлось прибегнуть к черному литературному труду в виде срочных заметок, отзывов о самых разнообразных книгах, стихотворений, переводов. Он пишет в это время водевили для Александринского театра, поставляет книгопродавцам азбуки и сказки в стихах для лубочных изданий, работает, кроме того, в разных журналах конца 30-х и начала 40-х годов и, главным образом, в "Литерат. прибавлениях к Русскому Инвалиду", в "Литературной Газете", в "Пантеоне русского и всех европейских театров", издававшемся книгопродавцем В. Поляковым. Повести и стихи, печатавшиеся в "Пантеоне", Н. подписывал "Н. Перепельский" и "Боб". Там, между прочим, помещены водевили Н.: "Актер" (едва ли не первая роль, в которой знаменитый В. В. Самойлов имел случай показать свой талант) и "Шила в мешке не утаишь", не вошедшие в собрание сочинений — стихотворение "Офелия" и перевод драмы "La nouvelle Fanchon", под названием "Материнское благословение" (1840 г.). Бывший наставник пажецкого корпуса Гр. Фр. Бенецкий помог в это время Н., предоставив ему в своем пансионе уроки по русскому языку и по истории, что значительно поправило дела поэта и даже позволило ему издать на сбережения сборник своих детских и юношеских стихотворений "Мечты и Звуки" (1840 г.), вышедший под инициалами Н. Н. Полевой похвалил автора, В. А. Жуковский посоветовал ему, еще до выхода сборника, "снять с книги свое имя", хотя благосклонно отозвался о некоторых стихотворениях; но Белинский сурово осудил дебют Н., признав, что мысли, на которые наводит его сборник "Мечты и звуки", сводятся к следующему: "Посредственность в стихах нестерпима" ("Отеч. Зап.", 1840 г., № 3). После отзыва Белинского Н. поспешил скупить "Мечты и звуки" и уничтожить их, а впоследствии никогда не хотел повторить их новым изданием (в собрание сочинений Н. они не вошли). Белинский был прав в своем резком отзыве, так как первый опыт Н. совершенно не характерен для него и представляет лишь слабое подражание романтическим образцам, вообще чуждым творчеству Н. (в сборнике помещены "страшные" баллады — "Злой дух", "Ангел смерти", "Ворон" и т. п.), и долго еще после этого Н. не решался писать стихов, ограничиваясь пока только ролью журнального чернорабочего.

Получив очень скудное образование и сознавая это, Н. в последующие годы старательно довершал его чтением европейских классиков (в переводах) и произведений родной литературы. В "Пантеоне" и в "Литературной Газете" он познакомился с известным писателем Ф. А. Кони, руководившим его первыми работами; помимо того, он, несомненно, находился под влиянием произведений Белинского. В начале 40-х годов Н. попал в число сотрудников "Отечественных Записок" и некоторыми рецензиями обратил на себя внимание Белинского, с которым тогда же и познакомился. Белинский сразу сумел оценить настоящее дарование Н.; понимая, что в области прозы из Н. не выйдет ничего, кроме заурядного литературного работника, Белинский, с свойственным ему одному увлечением, приветствовал стихотворения Н.: "В дороге" и "К родине". Со слезами на глазах обнял он автора, сказав ему: "Да знаете ли вы, что вы поэт и поэт истинный". Второе стихотворение "К родине" ("И вот они опять, знакомые места") Белинский выучил наизусть и распространял среди своих петербургских и московских

приятелей. С этого момента Н. стал постоянным членом того литературного кружка, в центре которого стоял Белинский, оказавший громадное влияние на дальнейшее развитие литературного таланта Н. К этому времени относится и издательская деятельность Н.: он выпустил целый ряд альманахов: "Статьки в стихах без картинок" (1843 г.), "Физиология Петербурга" (1845 г.), "Петербургский Сборник" (1846 г.), "Первое апреля" (1846 г.). В этих сборниках кроме Н. принимали участие: Григорович, Достоевский, Герцен (Искандер), Ап. Майков, Тургенев. Особенный успех имел "Петербургский Сборник", где впервые появились наделавшие шуму в литературе "Бедные люди" Достоевского. Рассказы Н., помещенные в первых из этих сборников (и главным образом в альманахе: "Физиология Петербурга"), и ранее написанные им рассказы: "Опытная женщина" ("Отеч. Зап.", 1841 г.) и "Необыкновенный завтрак" ("Отеч. Зап.", 1843 г.) носили характер жанровый, нравоописательный, но и они уже в достаточной степени оттеняли одну из основных особенностей в литературном даровании Н. — именно склонность к реально-правдивому содержанию (то, что Белинский тогда называл одобрительно "дельностью"), а также и к шутливому рассказу, проявившуюся особенно ярко в период зрелости таланта Н., в комической стороне его стихотворчества.

Издательское дело у Н. шло успешно, и в конце 1846 года он в компании с И. И. Панаевым приобрел у Плетнева "Современник", который и начал затем издавать при участии Белинского. Преобразованный "Современник" явился в известной степени новостью со стороны изящной внешности, а по своему содержанию стал лучшим журналом того времени. В литературном кружке редакции собрались лучшие таланты того времени, дававшие журналу богатый и разнообразный материал: вначале, хотя и не долго, Белинский, затем Тургенев, Гончаров, Григорович, Дружинин, несколько позже гр. Л. Н. Толстой; из поэтов Фет, Полонский, Алексей Жемчужников, сам Некрасов; позже появились в нем труды В. Боткина, научные статьи Кавелина, Соловьева, Грановского, Афанасьева, Ф. Корша, Вл. Милютин, письма Анненкова и т. д. Вся литературная молодежь, группировавшаяся ранее вокруг Краевского, перешла теперь из "Отечественных Записок" в "Современник" и перенесла сюда центр тяжести всего литературного движения 40-х годов. Поднять на эту высоту и продолжать вести журнал, не роняя его, было не легко, так как для этого нужны были и умение, и силы, и средства; издание же было начато Н. на занятые деньги (долг, с которым Н. не скоро расквитался). Приобретая ранее некоторый опыт в издательском деле, Н. сумел выйти из больших затруднений благодаря вообще вынесенной из жизни практичности. Он старался привлекать лучших сотрудников и всеми способами удержать их в журнале, откровенно говорил им, когда был стеснен в деньгах, и сам увеличивал цифру гонорара, когда дела поправлялись. Годы с 1847 по 1855, за которыми установилось справедливое название периода реакции, были особенно тяжелы для "Современника" и его издателя: цензура своими запретами часто ставила журнал в безвыходное положение, и беллетристического материала, помещавшегося не только в специальном отделе журнала, но и в отделе "смеси", буквально не хватало. Переписка Н. с сотрудниками за это время показывает, какие муки переживал он, как редактор. "Ваш Завтрак, — пишет Н. в 1850 г. Тургеневу, — играл и имел успех, но он не напечатан, ибо один из наших цензоров заупрямился: он не любит таких сюжетов, это его личный каприз..." "Тургенев! Я беден, беден! — прибавляет Н. — Ради Бога, вышлите мне скорей вашу работу". Это и было одним из главных побуждений к тому, что Н. предпринял с Н. Станицким (псевдоним А. Я. Головачевой-Панаевой) совместное сочинение бесконечно длинных романов "Три страны света" (1849 г.) и "Мертвое озеро" (1851 г.). Это были нравоописательные романы с разнообразнейшими приключениями, с запутанными историями, с эффектными сценами и развязками, написанные не без влияния Диккенса, Евгения Сю и Виктора Гюго. Первый из них не лишен и автобиографического интереса, так как в лице Каютина, интеллигентного пролетария, Н., несомненно, вспоминает свою молодость (описание жизни К. в Петербурге); кроме того, по справедливому замечанию акад. Пыпина, это не была выдуманная фантастика французского романа, а попытка вдвинуть в рамку романа настоящую русскую действительность, в то время еще мало кому известную. Тогда же в "Современнике" напечатаны Н. два его жанровых рассказа "Новоизобретенная привилегированная краска Дарлинга и К^о" (1850 г.) и "Тонкий человек" (1855 г.). Собственно "критических статей" в "Современнике" Н. не помещал, — за исключением нескольких мелких заметок, затем статьи о второстепенных русских поэтах и о Ф. И. Тютчеве, в 1850 г. (первый сборник его стихотворений был издан Н. при "Современнике"). "Журнальные заметки", печатавшиеся в "Современнике" 1856 г. и приписываемые Н., принадлежат почти исключительно Н. Г. Чернышевскому, и, как

видно из оригиналов этих статей, лишь некоторые замечания и стихотворения вставлены в них самим Н.

В середине 50-х годов Н. серьезно захворал болезнью горла; лучшие русские и иностранные врачи определили горловую чахотку и приговорили поэта к смерти. Путешествие в Италию, однако, поправило здоровье Н. Возвращение его в Россию совпало с началом новой эры в русской жизни: в общественных и правительственных сферах с окончанием крымской кампании поваяло либерализмом; началась знаменитая эпоха реформ. "Современник" быстро ожил и собрал вокруг себя лучших представителей русской общественной мысли; в зависимости от этого и число подписчиков стало расти с каждым годом тысячами. Новые сотрудники — Добролюбов и Чернышевский — вступили в журнал с новыми взглядами и на общественные дела, и на задачи литературы как голоса общественного мнения. В журнальной деятельности Н. начинается новый период, продолжавшийся с 1856 по 1865 год, — период наибольшего проявления его сил и развития его литературной деятельности. Цензурные рамки значительно раздвинулись, и поэт получил возможность осуществить на деле то, что таил в себе ранее: коснуться в своих произведениях тех жгучих тем и вопросов времени, о которых ранее нельзя было писать по цензурным, т. е. чисто внешним, условиям. К этому времени относится все лучшее и более характерное из того, что написал Н.: "Размышления у парадного подъезда", "Песня Еремушке", "Рыцарь на час", "Коробейники", "Крестьянские дети", "Зеленый шум", "Орина", "Мороз — красный нос", "Железная дорога" и др. Близкое участие Добролюбова и Чернышевского в "Современнике", а также высказанные ими на первых же порах литературные взгляды ("Очерки гоголевского периода" Чернышевского напечатаны впервые в "Современнике") послужили причиной разрыва Н. с его старыми друзьями и сотрудниками по журналу. Н. сразу полюбил Добролюбова и Чернышевского, чутко поняв всю умственную силу и душевную красоту этих натур, хотя мирозерцание его и сложилось совершенно при иных условиях и на иных основах, чем у молодых его сотрудников. Чернышевский, опровергая в опубликованных акад. А. Н. Пыпиным заметках установившееся в литературе мнение, что он и Добролюбов расширили умственный кругозор Н., замечает: "Любовь к Добролюбову могла освежить сердце Н., и, я полагаю, освежила его; но это совсем иное дело: не расширение умственного и нравственного горизонта, а чувство отрады". В Добролюбове Н. видел крупную умственную величину и исключительную нравственную силу, на что указывают и отзывы поэта, приводимые в воспоминаниях Головачевой-Панаевой: "У него замечательная голова! Можно подумать, что лучшие профессора руководили его умственным развитием: через 10 лет литературной своей деятельности Добролюбов будет иметь такое значение в русской литературе, как Белинский". Н. по временам намеренно искал "чувства отрады", в минуты хандры, острых припадков душевной боли, которым Н., по собственным его словам, был подвержен ("день, два идет хорошо, а там смотришь — тоска, хандра, неудовольство, злость..."). В общении с людьми нового типа — Добролюбовым и Чернышевским — Н. искал душевного освежения и лекарства от своего пессимизма и мизантропии. Против нового направления, представленного в "Современнике" Чернышевским и Добролюбовым, стали раздаваться резкие протесты со стороны старого кружка, к которому принадлежали бывшие сотрудники Белинского, сошедшего уже к этому времени в могилу. Н. прилагал все усилия, чтобы дело не дошло до разрыва со старыми друзьями, но старания его были тщетны. По свидетельству современника (А. Н. Пыпина), Н. прежде всего ценил общественное направление Чернышевского и Добролюбова, видя в нем прямое и последовательное продолжение идей Белинского именно за последний период его деятельности; "друзья же старого кружка этого не понимали: новая критика была им неприятна, полемика не интересна, а поднятые вновь экономические вопросы просто невразумительны". Н. не только понял смысл и развитие нового литературного направления, предоставил Добролюбову и Чернышевскому полную свободу действий в "Современнике", но, помимо того, и сам принимал участие в "Свистке" Добролюбова, а "Заметки о журналах", помещавшиеся в "Современнике", написаны им совместно с Чернышевским ("есть, по словам А. Н. Пыпина, — страницы, начатые одним и продолженные другим"). Как бы там ни было, Тургенев, Боткин, Фет и др. резко порвали с "Современником"; в 1866 г. Боткин даже радовался двум предостережениям, полученным "Современником". Наступившая вслед за сильным подъемом общественная реакция отразилась и на "Современнике", который был закрыт в 1866 г. Спустя два года, Н. заарендовал у прежнего конкурента, Краевского, "Отечественные Записки", пригласив пайщиками дела и сотрудниками Салтыкова и Елисеева. Скоро "Отечественные Записки" стали на такую же высоту, как когда-то "Современник", и сделались предметом неустанных забот Н.,

поместившего в них ряд произведений, не уступавших по силе таланта прежним; в это время им написаны: "Дедушка", "Русские женщины", "Кому на Руси жить хорошо" и "Последние песни".

Уже в 1875 г. появились первые зловещие признаки болезни, которая преждевременно свела поэта в могилу: первоначально Н. не придавал серьезного значения своему недомоганию, продолжал по-прежнему работать и с неослабевающим вниманием следить за всеми явлениями литературной жизни. Но скоро началась жестокая агония: поэт умирал медленной и мучительной смертью; сложная операция, произведенная венским специалистом, хирургом Бильротом, ни к чему не привела. Весть о смертельной болезни поэта быстро разносилась по всей России; отовсюду, даже из далекой Сибири, стали получаться им сочувственные письма, стихотворения, приветствия, адреса, доставившие ему немало светлых минут. Во время этого подъема сил создавалась и лебединая песня Некрасовской поэзии, его знаменитые "Последние песни", в которых он с прежней силой и свежестью, с необычайной искренностью чувства рисовал картины своего детства, вспоминал о матери и страдал от сознания совершенных в жизни ошибок. 27-го декабря 1877 года Н. не стало. Похороны состоялись 30 декабря: многочисленная толпа, преимущественно молодежи, несмотря на сильный мороз, провожала останки поэта на место его вечного успокоения, в Новодевичий монастырь. Свежую могилу забросали бесконечным числом венков с самыми разнообразными надписями: "Поэту народных страданий", "Печальнику горя народного", "От русских женщин" и т. п. Над могилой говорил прощальное слово, между прочим, Ф. М. Достоевский, записавший в день смерти Н. в свой "Дневник" следующие драгоценные строки: "Воротясь домой, я не мог уже сесть за работу, взял все три тома Некрасова и стал читать с первой страницы. В эту ночь я перечел чуть не две трети всего, что написал Н., и буквально в первый раз дал себе отчет, как много Н., как поэт, во все эти 30 лет занимал места в моей жизни". После смерти поэта клевета и сплетня надолго опутали его имя и дали повод некоторым критикам (напр., Н. К. Михайловскому) строго судить Н. за его "слабости", говорить о проявленной им жестокости, о падении, компромиссах, о "грязи, прилипающей к душе Н.", и т. п. Основанием отчасти служило высказанное поэтом в последних его произведениях сознание своей "вины" и желание оправдаться перед старыми друзьями (Тургенев, Боткин и др.), "укоризненно со стен смотревшими на него". По словам Чернышевского, "Н. был хороший человек с некоторыми слабостями, очень обыкновенными" и легко объясняемыми общеизвестными фактами из его жизни. При этом Н. никогда не скрывал своих слабостей и никогда не уклонялся от прямодушного объяснения мотивов своих поступков. Несомненно, это была крупная моральная личность, чем и объясняется как то громадное влияние, которым он пользовался у современников, так и тот душевный разлад, который он по временам испытывал.

Вокруг имени Н. завязался ожесточенный и до сих пор еще не разрешенный спор о значении его поэзии. Противники Н. утверждали, что никакого таланта у него не было, что поэзия его не настоящая, а "тенденциозная", сухая и придуманная, рассчитанная на "либеральную толпу"; поклонники же таланта Н. указывали на многочисленные и несомненные свидетельства о том сильном впечатлении, какое производили стихотворения Н. не только на его современников, но и на все последующие поколения. Даже Тургенев, отрицавший в минуты каприза поэтический талант Н., чувствовал на себе силу этого таланта, когда говорил, что "стихотворения Н., собранные в один фокус, — жгутся". Вся вина Н. заключалась в том, что он, будучи по натуре человеком живым и восприимчивым, разделявшим стремления и идеалы своего времени, не мог остаться безучастным зрителем общественной и национальной жизни и замкнуться в сферу чисто субъективной мысли и чувства; в силу этого, предметы забот и чаяний лучшей части русского общества, без различия партий и настроений, стали предметом и его забот, его негодования, обличения и сожаления; при этом Н. нечего было "придумывать", так как сама жизнь давала ему богатый материал, и тяжелые бытовые картины в его стихотворениях соответствовали виденному и слышанному в действительности. Что же касается характерных особенностей его таланта — некоторой ожесточенности и негодования, то и они объясняются теми условиями, в которых создавался и развивался этот талант. "Это было, по словам Достоевского, раненое в самом начале жизни сердце, и эта-то никогда не заживавшая рана его и была началом и источником всей страстной, страдальческой поэзии его на всю потом жизнь". С детских лет ему пришлось познакомиться с горем, а потом выдержать ряд стычек с неумолимой жизненной прозой; душа его невольно ожесточилась, и в ней загорелось чувство мести, которое сказалось в благородном порыве обличения недостатков и темных сторон жизни, в желании открыть на них глаза другим, предостеречь другие поколения от тех горьких обид и мучительных страданий, которые пришлось испытывать самому поэту. Н.

не ограничился личной жалобой, рассказом о своих только страданиях; привыкнув болеть душой за других, он слил себя с обществом, с целым человечеством, в справедливом сознании, что "белый свет кончается не нами; что можно личным горем не страдать и плакать честными слезами; что туча каждая, грозящая бедой, нависшая над жизнью народной, след оставляет роковой в душе живой и благородной". По рождению и воспитанию своему Н. принадлежал к 40-м годам, когда он и выступил на литературное поприще; но по духу и складу своей мысли он менее всего подходил к этой эпохе: в нем не было идеалистической философии, мечтательности, теоретичности и "прекраснодушия", свойственных людям 40-х годов; не замечалось в нем также и следов того душевного разлада между двумя поколениями, который в той или в иной форме обнаружили и Герцен, и Тургенев, и Гончаров; напротив, он был человек практической складки, живого дела, труженик, не боявшийся черной работы, хотя несколько и озлобленный ею.

Начало и первая половина поэтической деятельности Н. совпали с тем моментом, когда центральным вопросом русской общественности явился крестьянский вопрос; когда в русском обществе проснулся интерес и любовь к крестьянину-пахарю, кормильцу родной земли, — к той массе, которую раньше считали "темной и безразличной, живущей без сознания и смысла". Н. всецело отдался этому общему увлечению, объявив смертельную борьбу крепостничеству; он стал народным заступником: "я призван был воспеть твои страдания, терпением изумляющий народ". Ему вместе с Тургеневым и Григоровичем принадлежит великая заслуга ознакомления русского общества с жизнью русского крестьянства и главным образом с темными сторонами ее. Уже в раннем своем произведении "В дороге" (1846 г.), напечатанном до появления "Антон Горемыки" и "Записок охотника", Н. явился провозвестником целого литературного направления, избравшего своим предметом интересы народные, и до конца своих дней не переставал быть печальником народным. "Сердце у меня билось как-то особенно при виде родных полей и русского мужика", — писал Н. Тургеневу, и эта тема является до известной степени основной большинства его стихотворений, в которых поэт рисует картины народной жизни и в художественных образах запечатлевает черты мужицкой психологии ("Коробейники", "Мороз — красный нос", "Кому на Руси жить хорошо"). Горячо приветствовал Н. в 1861 г. давно желанную свободу и все гуманные меры нового царствования; но вместе с тем не закрывал глаз на то, что ожидало освобожденный народ, понимая, что одного акта освобождения не достаточно, и что много предстоит еще работы, чтобы вывести этот народ из его умственной темноты и невежества. Если в ранних произведениях Н. можно отыскать черты сентиментального народничества, своего рода "умиление" перед народом и "смирение" от сознания своей разобщенности с ним, то с 60-х годов эти черты уступают место новым идеям — просвещению народа и упрочению его экономического благосостояния, т. е. идеям, представителями которых в 60-е годы явились Чернышевский и Добролюбов. Наиболее ярко выражено это новое направление у Н. в его стихотворении "Песня Еремушке", приведшем в восторг Добролюбова, который писал по этому поводу одному из своих приятелей: "Выучи наизусть и вели всем, кого знаешь, выучить песню Еремушке Некрасова; помни и люби эти стихи".

Основным мотивом скорбной по общему тону поэзии Н. является любовь. Это гуманное чувство впервые сказывается в обрисовке образа родной матери поэта; трагедия ее жизни заставила Н. особенно чутко отнестись вообще к судьбе русской женщины. Поэт много раз в своем творчестве останавливается на лучших силах женской природы и рисует целую галерею типов женщин-крестьянок (Орина — мать солдатская, Дарья, Матрена Тимофеевна) и интеллигентных женщин, полных благородного стремления к добру и свету (Саша в поэме того же названия, Надя в "Прекрасной партии", княгини Трубецкая и Волконская в "Русских женщинах"). В женских типах Н. как бы оставил грядущим поколениям завет "найти ключи от женской волюшки", от оков, стесняющих русскую женщину в ее порыве к знанию, к проявлению своих духовных сил. Тем же гуманным чувством любви проникнуты и нарисованные Н. образы детей: опять галерея детских типов и желание поэта пробудить в сердце читателя сочувственное отношение к этим беззащитным существам. "Слагая образы мои, — говорит поэт: я только голосу любви и строгой истины внимал"; фактически это и есть credo поэта: любовь к истине, к знанию, к людям вообще и к родному народу в частности; любовь ко всем обездоленным, сирым и убогим, а рядом — вера в народ, в его силы и в его будущее и вообще вера в человека, с которой неразрывно связана вера в могущество убежденного слова, в силу поэзии. Вот почему, при всей скорбности поэзии Н., при некоторой доле пессимизма,

заставившего поэта ошибочно назвать свою музу "музой мести и печали", — в целом настроение Н. вообще бодрое и бодрящее, хотя и негодующее.

Творчество Н. в силу чисто исторических условий направилось по несколько одностороннему пути: весь громадный художественный талант его ушел на изображение душевных движений, характеров и лиц (у него нет, например, описаний природы). Но никогда не покидала его глубокая вера в свое поэтическое призвание и сознание своего значения в истории русского слова. Иногда, правда, в тяжелые минуты раздумья на него нападали сомнения: "Народ, которому я посвятил все свои силы, все свое вдохновение, не знает меня; неужели весь мой труд пройдет бесследно, и окажутся правы те, которые называют нас, русских поэтов, париями родной земли? Неужели же эта родная земля, в которую так верил поэт, не оправдывает его надежд"? Но эти сомнения уступали место твердой уверенности в значении его подвига; в прекрасной колыбельной песне "Баюшки-баю" голос матери говорит ему: "не бойся горького забвенья; уж я держу в руке моей венец любви, — венец прощенья, дар кроткой родины твоей... Уступит свету мрак упрямый, услышишь песенку свою над Волгой, над Окой, над Камой"...

В вопросе о творчестве Н. особое место занимает вопрос о его стиле, о внешней форме; в этом отношении многие его произведения обнаруживают некоторую неровность формы и самого стиха, что признавал и Н.: "нет в тебе поэзии свободной, мой суровый, неуклюжий стих". Недостаток формы искупается другими достоинствами поэзии Н.: яркостью картин и образов, сжатостью и ясностью характеристик, богатством и колоритностью народной речи, которую Н. постиг в совершенстве; жизнь бьет ключом в его произведениях, и в его стихе, по собственному выражению поэта, "кипит живая кровь". Н. создал себе первостепенное место в русской литературе: его стихи — главным образом, лирические произведения и поэмы — несомненно, имеют непреходящее значение. Неразрывная связь поэта с "честными сердцами" сохранится навсегда, что доказали всероссийские чествования памяти поэта в 25-летнюю годовщину его смерти (27 декабря 1902 г.).

Стихотворения Н., кроме изданий, вышедших при жизни автора, вышли в восьми посмертных изданиях по 10—15 тыс. экземпляров каждое. Первое посмертное издание сочинений Н. вышло в 1879 г.: "Стихотворения Н. А. Некрасова. Посмертное издание. СПб., т. I, 1845—1860; т. II, 1861—1872; т. III, 1873 — 1877; т. IV, Приложения, примечания и пр. указатели". При I томе: предисловие издательницы (А. А. Буткевич); биографические сведения, — ст. А. М. Скабичевского, портрет поэта и факсимиле "Песни Гришиной"; в IV томе: ч. I. Приложения. Стихотворения, не вошедшие в состав первых 3-х томов, 1842—1846 гг.; и некоторые стихотворения 1851—1877 гг. ч. II. 1. Приложения ко всем 4-м томам, составленные С. И. Пономаревым. 2. Проза, издательская деятельность: а) водевили, б) повести, рассказы, мелкие статьи, в) сборники и периодические издания; 3. Литературные дебюты Н. — ст. В. П. Горленка. III. Список статей о Некрасове: при жизни поэта, посмертные статьи и некрологи, стихотворения на смерть Н., пародии на его стихи, автографы и псевдонимы, музыка к его стихотворениям, переводы на иностранные языки. Указатели: предметный и алфавитный. Позднейшее издание (СПб., 1902 г., 2 тома) отпечатано в 20 тыс. экземпляров. За четверть века со дня смерти поэта вышло около 100000 экземпляров его сочинений. В 1902 г. вышел перевод стихотворений Н. на немецкий язык: "Friedrich Fiedler. Gedichte von N. A. Nekrasov. Im Versmass des Original. Leipzig."

Литература о Н. достигла в настоящее время значительных размеров. Перечень журнальных и газетных статей о Н. с 1840—1878 г. составлен С. И. Пономаревым и напечатан в "Отечественных записках" 1878 г. (май), а затем повторен в книжке А. Голубева: "Н. А. Некрасов. Биография" (СПб., 1878 г.) и в первом посмертном издании сочинений Н. (см. выше). Дополнением к названному перечню является обстоятельный библиографический обзор всей литературы о Н. (журнальные и газетные статьи, монографии, брошюры, историко-литер. труды, воспоминания, издания сочинений, переводы), со дня смерти поэта и по 1904 г., приложенной к книге А. Н. Пыпина "Н. А. Некрасов" (СПб., 1905 г.). Ценность этого обзора увеличивается тем еще, что выдающиеся газетные статьи о Н. помещены в нем целиком или *in extenso*. Попытка собрать критическую литературу о Н. принадлежит Зелинскому (Сборник критических статей о Н. Москва, 1886—87 г.; 2-ое изд., 1902 г.). Полезные указания для изучения литературы о Н. находятся также у А. В. Мезиер (Русская словесность в XI—XIX ст.,

вкл. Библиографический указатель. Ч. II. СПб., 1899—1902 г.). Основными работами можно считать следующие: Головачева-Панаева. Русские писатели и артисты. СПб., 1892 (воспоминания); Скабичевский А. Н. Некрасов, его жизнь и поэзия. Сочин. т. II; Достоевский Ф. Дневник писателя 1877 г. (декабрь); Елисеев Г. Некрасов и Салтыков. Русс. Бог., 93 г., 9; Боборыкин П. Н. Некрасов по личным воспоминаниям. Набл. 82 г., 4; Арсеньев К. Н. Некрасов. Критич. этюды т. II; Буренин В. Литературные очерки; Венгеров С. Литературный портрет Н. Нед. 78 г., 10—13 и 16 статья в энцикл. слов., Брокгауза и Ефрона, т. XX; Михайловский Н. Литературные воспоминания и литературная смута, т. I; Бобрищев-Пушкин А. Н. Некрасов, В. Е. 1903 г. (апрель); Записки княгини М. Н. Волконской. СПб., 1904 г. В. Розанов. "25-летие кончины Н." Нов. Вр. 24 декабря 1902 г. — Н. А. Н—в и театральная критика (данные к биографии поэта) в "Ежегодн. Имп. театров" 1910 г., вып. II. В обзор литературы о Н., составленный А. Н. Пыпиным (см. выше), не вошли статьи: В. В. Кранихфельда "Н. А. Некрасов" (Опыт литературной характеристики), в "Мире Божиим" 1902 (декабрь) и статьи о Н. в Большой Энциклопедии, т. 13; не попали туда же и последующие работы: П. Е. Щеголева "О русских женщинах Н. в связи с вопросом о юридических правах жен декабристов" (Сборник в пользу Высш. Жен. Курсов, 1905 г. и отдельно); Андреевич. Опыт философии русской литературы. СПб., 1905. (Петербургские песни Н., стр. 235), и Д. Н. Овсяннико-Куликовский. История русской интеллигенции. Ч. I. М. 1906 г. (Гл. XII. Н. А. Некрасов). Наибольшую ценность из последних работ о Н. имеет труд А. Н. Пыпина (см. выше): кроме личных воспоминаний Пыпина о Н. и обзора его литературной деятельности, здесь помещены также "историко-литературные справки", заключающие интересные данные о журнальной деятельности Н.; тут же напечатаны письма Н. к Тургеневу (1847—1861 г.); вообще в своей книге А. В. Пыпин подвергает обстоятельному пересмотру вопрос о Некрасове.

В. Н. Кораблев.